
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09

С.А. Голубков*

ФЕНОМЕН СИТУАТИВНОГО ЮМОРА

В статье идет речь о «механизмах» возникновения спонтанного смеха, такого юмористического отношения к тем или иным жизненным реалиям, которое обусловлено неожиданным стечением обстоятельств и наличием наблюдателя, готового к смеховому ракурсу и соответствующей оценке.

Ключевые слова: ситуация, смех, юмор, система субъектных отношений, техника смешного.

Смех как психофизиологическая реакция, как эмоциональный отклик, как этическая и эстетическая оценка очень летуч и мимолетен. Он вспыхивает, как огонек, и столь же быстро опадает. Будучи реакцией коллективной, он требует для полноты своего проявления соучастников, сообщников. Это своеобразный заговор смеющихся, их солидаризация в восприятии мира. На людях легче рассмеяться, чем в глухом одиночестве, ведь смех заразителен, особенно в ситуации его запретности, неуместности.

Эта летучесть, некоторая неуловимость смеха привела к тому, что и эстетика, и литературоведение, и другие гуманитарные науки накопили великое множество определений смеха, но всякий раз живая суть смеха частично ускользала, просеивалась, как песок сквозь пальцы. Какая-то сторона явления оставалась неопределимой. Причина этого в многоликости смеха, в богатейшей палитре его оттенков, в многообразии его психологических, поведенческих, эстетических функций.

Проблема ситуативного юмора связана с более широким проблемным полем «техника смешного». Исследователь часто задается чапековским вопросом «Как это делается?». О технике смешного в *теоретическом* аспекте писали А. Бергсон («Смех в жизни и на сцене»), З. Фрейд («Остроумие и его отношение к бессознательному»), Ю.Б. Борев («Комическое»), Б. Дземидок («О комическом»), Д.П. Николаев («Смех — оружие сатиры») [1–11]. В непосредственной *практике* литературоведческого анализа к этой проблематике обращались Андрей Белый («Мастерство Гоголя»), В.В. Виноградов («Поэтика русской литературы»), Ю.В. Манн («О гротеске в литературе»), А.П. Чудаков («Поэтика Чехова»), М.О. Чудакова («Поэтика Михаила Зощенко»), Д.П. Нико-

* © Голубков С.А., 2014

Голубков Сергей Алексеевич (golubkovsa@yandex.ru), кафедра русской и зарубежной литературы Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

лаев («Смех Щедрина»), А.С. Бушмин («Сказки Салтыкова-Щедрина»), Л.А. Спиридонова-Евстигнеева («Русская сатирическая литература начала XX века»), В.П. Скобелев («Поэтика сказа» – в соавторстве с Е.М. Мущенко и Л.Е. Кройчиком; «Поэтика рассказа») [12–18].

В жизни мы часто сталкиваемся с феноменом *ситуативного юмора*. В чем его сущность? Речь идет не о смоделированных комических ситуациях, лежащих в основе сюжетной системы литературного произведения. Речь идет о спонтанном смехе, которым неожиданно разрешается реальная ситуация, складывающаяся в жизни.

Когда писатель создает юмористический рассказ, он *заведомо* рассчитывает на определенный смеховой эффект, реакция читателя предполагается, она *заранее* программируется всем текстом произведения. Когда остроумец и балагур идет в компанию, вооружившись тройкой свежих анекдотов, он также *загодя* рассчитывает на определенный тип восприятия. И в литературном творчестве, и в житейском общении налицо система субъектных отношений – в литературе эту систему образуют *автор, повествователь (или рассказчик) и читатель*, в обычной коммуникации в субъектные отношения вступают *собеседники*. И в том, и в другом случае одна сторона определенно знает, что смех должен прозвучать. Для этого писатель, собственно, и создал рассказ, а балагур припас свои новые анекдоты и шутки.

А вот явление ситуативного юмора кардинально меняет эту систему субъектных отношений. Тут уже *обе стороны* совершенно не знают, что смех спонтанно вспыхнет через десять минут. Ни одна из сторон не обладает какой-либо достаточной осведомленностью, смех оказывается полной неожиданностью для всех. Когда работник в заводской проходной должен назвать свой табельный номер и фамилию, то это совершенно серьезная и вполне будничная производственная ситуация, предписанная соответствующими должностными инструкциями. Но когда один из идущих через проходную работников небрежно говорит: «Восемьсот Сопляков», а охранник вдруг неожиданно для самого себя отвечает: «Одного достаточно», то это уже другая, скажем так, нештатная ситуация – ситуация явного анекдота. Табельный номер вкуче с реальной фамилией реального человека образовал принципиально новое смысловое сочетание, притом весьма забавное, и эту забавность столь же неожиданно уловил охранник, обронивший остроумную реплику. Заранее подобные ситуации не режиссируются, они возникают в самом переменчивом потоке жизни.

Конечно, такие выхваченные из живой повседневности анекдоты могут повторяться, ведь тот же механик Сопляков пойдет через проходную и завтра, и через месяц, и через год. Но повтор, утратив оригинальность юмористического «открытия», будет выступать уже простой отсылкой к прежней ситуации.

Ситуативная реплика неожиданно придает происходящему новое освещение. Произносящий эту фразу человек предлагает совсем другой режим оценки ситуации. Организатор гастрольных поездок В. Маяковского П.И. Лавут написал в свое время книгу «Маяковский едет по Союзу», в которой привел немало характерных деталей общения поэта с аудиторией. Публика бывала на концертах разная, иногда она, что называется, «задиралась», задавала каверзные вопросы, Маяковский не оставался в долгу, энергично парировал выпады. Однажды посреди концерта возмущенный зритель с очень пышной бородой решил демонстративно покинуть зал. Такие вещи всегда воспринимаются любым выступающим как весьма обидные. Однако поэт не растерялся и сообщил публике, кивнув в сторону бородача: «Побриться пошел». Последовал взрыв хохота. Публика оказалась на стороне Маяковского. Перед нами явный случай ситуативного юмора.

Отнесение той или иной ситуации к драматической, трагической, юмористической или эмоционально-нейтральной невозможно без позиции *наблюдателя* (пусть и случай-

ного), ведь именно он избирает определенную «оптику», позволяющую увидеть в происходящем либо потенциальные запасы комедийного, либо зерна возможного трагизма. Интересно отметить, что когда Зошенко выступал с чтением своих рассказов, его слушатели, обыкновенные обыватели, многие из которых по своему интеллектуальному уровню и эмоциональным реакциям не очень-то отличались от персонажей юмориста, воспринимали его рассказы вполне серьезно, без тени улыбки, видимо, оценивая потерянный банный номерок («Баня») или потасовку на коммунальной кухне («Нервные люди») никак не меньше как бытовую драму. Они смотрели на ситуацию не *извне*, а *изнутри*. Осмысление ситуации как смешной требует свободного выхода из этой ситуации, возможности взглянуть на нее со стороны. Для смеха вообще нужна некоторая дистанцированность от объекта осмеяния. Смех — это всегда творческий акт преодоления каких-либо устойчивых и жестких иерархий, опрокидывание привычной ценностной пирамиды. Кроме того, чтобы опознать ситуацию как юмористическую, необходима соответствующая изначальная *готовность* применить для оценки именно юмористическую систему координат, готовность *серьезное* моментально перевести в разряд *смешного*.

Ситуативный юмор есть момент «регистрации» самого факта *рождения* нового смысла, вызывающего смех. Смеховой случай производится тут же, ни в какой иной, а именно в данный миг. Это новая, неожиданно возникшая версия истолкования происходящего перед глазами наблюдателя.

Очень часто ситуативный юмор «вырастает» из некоего недоразумения. Такова природа так называемых ситуативных анекдотов. Например, известный рассказ Н.С. Лескова «Путешествие с нигилистом» строится на развертывании анекдотической ситуации. Действие происходит в вагоне местного поезда. Несколько пассажиров — дьякон, купец, военный — ведут обычный дорожный разговор. Разговор о нигилистах, бомбах, терактах. Поддаваясь настроениям всеобщей подозрительности, дьякон всех взвинчивает, сеет панику, обращает внимание своих спутников на странную корзинку с бельем, стоящую перед новым пассажиром, человеком молчаливым и замкнутым. Сдать корзинку в багаж он отказывается, что еще усиливает у персонажей рассказа подозрения в неблаговидности его намерений. Дело доходит до проверки документов и возникает конфуз: молчаливый пассажир оказывается прокурором судебной палаты, а испугавшая всех корзинка находит своего хозяина — безбилетника, спящего под лавкой. Тревоги рассеиваются, а дьякон, посеявший неуместную панику, исчезает. Налицо ситуативный анекдот, вполне соотносимый с историко-культурным контекстом. Общество реально было напугано действиями бомбистов, каждый террористический акт обрастал множеством слухов, и паника могла вполне стать компонентом житейского обихода, так или иначе повлиять на сознание обыкновенных людей (слово «обыватель» было в ту пору безоценочным). В реальной ситуации от страха, к счастью, оказавшегося напрасным, освобождаются с помощью смеха. Смеха облегчающего и совершенно стихийного.

Известен случай с одним престарелым профессором, который на остановке вошел с передней площадки в трамвай, посмотрел на чинно сидящих перед ним пассажиров и по забывчивости громким лекторским голосом привычно произнес: «Здравствуйте, товарищи! Тема нашей лекции...». Потом он сконфузился, осознав свою оплошность, а публика между тем стала переглядываться, кто-то рассмеялся. Можно сказать, на глазах родился и стал забавной реальностью еще один анекдот из бесконечной серии анекдотов о пресловутой профессорской рассеянности. В данном случае обе стороны — и профессор, и случайные пассажиры трамвая — в конечном итоге оценили возникшую ситуацию как юмористическую, потому что только на миг было утрачено чув-

ство реальности, после же они сумели посмотреть на данный эпизод со стороны. И смех стал индикатором этой оценки.

Явления ситуативного юмора в массе своей обычно становятся безвестными, но порой они попадают в сочинения мемуаристов, припоминаящих и подробно описывающих подобные случаи, когда дело касается известных персон – писателей, художников, ученых, политиков. Анекдоты о великих людях, скорее всего, родились именно из ситуативного юмора – из какой-нибудь хлесткой реальной фразы, произнесенной знаменитым человеком по тому или иному случаю. Известен анекдот: «Один поэт сочинил оду «К потомству». Вольтер заявил: «Это стихотворение не дойдет до своего адресата». Подобных остроумных ситуативно возникших фраз история культуры знает немало.

Ситуативный юмор может стать и умело используемым инструментом педагогического воздействия, своеобразным методом воспитания. Об этом выразительно писал Фазиль Искандер в рассказе «Тринадцатый подвиг Геракла», поставив в центр произведения обаятельный образ учителя математики. «Главное оружие Харлампия Диогеновича – это делать человека смешным. Ученик, отступающий от школьных правил, не лентяй, не лоботряс, не хулиган, а просто смешной человек» [19, с. 119]. «И когда учитель выставляет тебя смешным, сразу же распадается круговая порука учеников, и весь класс над тобой смеется. Все смеются против одного. Если над тобой смеется один человек, ты можешь еще как-нибудь с этим справиться. Но невозможно пересмеять весь класс. И если уж ты оказался смешным, хотелось во что бы то ни стало показать, что ты хоть и смешной, но не такой уж окончательно смехотворный» [19, с. 119]. Герой рассказа умело балансирует на грани, отделяющей юмористическое высмеивание от злой насмешки. Дети воспринимают шутки учителя вполне адекватно, не затаивая обиду. Реплики, комичные учительские комментарии к ребячьим проделкам, неожиданные остроумные умозаключения – все это рождается из рутинных ситуаций каждодневных школьных уроков, все продиктовано требованиями момента, это не какие-то тщательно обдуманые «домашние заготовки» учителя. Но ситуативные смешные экспромты учителя достигают в итоге педагогической цели, о чем автор пишет в заключительных строках повествования: «Мне кажется, что Древний Рим погиб оттого, что его императоры в своей бронзовой спеси перестали замечать, что они смешны. Обзаведись они вовремя шутами (надо хотя бы от дурака слышать правду), может быть, им удалось бы продержаться еще некоторое время. А так они надеялись, что в случае чего гуси спасут Рим. Но нагрянули варвары и уничтожили Древний Рим вместе с его императорами и гусями. Я, понятно, об этом нисколько не жалею, но мне хочется благодарно возвысить метод Харлампия Диогеновича. Смехом он, разумеется, закалял наши лукавые детские души и приучал нас относиться к собственной персоне с достаточным чувством юмора. По-моему, это вполне здоровое чувство, и любую попытку ставить его под сомнение я отвергаю решительно и навсегда» [19, с. 130].

Способность видеть какие-то стороны действительности в смешном свете, готовность к ситуативному юмору свидетельствуют как о многомерности и неисчислимости самой действительности, так и о многогранности личности, воспринимающей эту сложную действительность. Как отмечал М.М. Бахтин, у любого серьезного явления всегда есть его «смеховая тень». Умея различать ее, человек демонстрирует свое владение самыми различными смысловыми регистрами, самыми разными инструментами ценностного ориентирования.

Библиографический список

1. Бергсон А. Смех // Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. СПб., 1914.
2. Боров Ю.Б. Комическое. М., 1970.
3. Вулис А. В лаборатории смеха. М., 1966.
4. Евстигнеева Л.А. Бессмертие смеха: Комическое в прозе русского зарубежья. М., 1997.
5. Карасев Л. Философия смеха. М.: РГГУ, 1996.
6. Курганов Е. Анекдот как жанр. СПб., 1997.
7. Манн Ю.В. О гротеске в литературе. М., 1966.
8. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М., 1996.
9. Рюмина М.Т. Эстетика смеха. Смех как виртуальная реальность. М., 2003.
10. Смех: истоки и функции. СПб., 2002.
11. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному // Фрейд З. «Я» и «Оно»: Труды разных лет / пер. с нем. Кн. 2. Тбилиси, 1991. С. 175–406.
12. Кройчик Л., Мущенко Е., Скобелев В. Поэтика сказа. Воронеж, 1978.
13. Лицо и маска Михаила Зощенко / сост. Ю.В. Томашевский. М.: Олимп ППП, 1994.
14. Лихачев Д.С., Панченко А.М. Смеховой мир Древней Руси. Л., 1976.
15. Николаев Д.П. Сатира Щедрина и реалистический гротеск. М., 1977.
16. Николаев Д.П. Смех Щедрина: Очерки сатирической поэтики. М., 1988.
17. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М., 1971.
18. Чудакова М.О. Поэтика Михаила Зощенко. М., 1979.
19. Искандер Ф.А. Время счастливых находок. Рассказы и повести. М.: Молодая гвардия, 1973. 432 с.

References

1. Bergson A. Laughter // Collected works: in 5 vol. Vol. 1. Spb., 1914.
2. Borev Yu.B. Comic. M., 1970.
3. Vulis A. In the laboratory of laughter. M., 1966.
4. Evstigneeva L.A. Immortality of laughter: Comic in the prose of Russian emigre art. M., 1997.
5. Karasev L. Philosophy of laughter. M.: RGGU, 1996.
6. Kurganov E. Anecdote as genre. Spb., 1997.
7. Mann Yu.V. About grotesque in literature. M., 1966.
8. Propp V.Ya. Problems of comicality and laughter. M., 1996.
9. Ryumina M.T. Esthetics of laughter. Laughter as virtual reality. M., 2003.
10. Laughter: sources and functions. Spb., 2002.
11. Freud Z. Wittiness and its relation to the unconscious // Freud Z. Das Ich und das Es: Proceedings of different years / trans. from German. Vol. 2. Tbilisi, 1991. P. 175–406.
12. Kroichik L., Mushchenko E., Skobelev V. The poetics of tale. Voronezh, 1978.
13. Face and Mask of Mikhail Zoshchenko / comp. by Yu.V. Tomashevskiy. M.: Olimp PPP, 1994.
14. Likhachev D.S., Panchenko A.M. Laughter world of Ancient Russia. L., 1976.
15. Nikolaev D.P. Satire of Shchedrin and realistic grotesque. M., 1977.
16. Nikolaev D.P. Laughter of Shchedrin: Essays on satirical poetics. M., 1988.
17. Chudakov A.P. Poetics by Chekhov. M., 1971.
18. Chudakova M.O. Poetics of Mikhail Zoshchenko. M., 1979.
19. Iskander F.A. Time of lucky findings. Stories and novels. M.: Molodaya gvardiya, 1973. 432 p.

*S.A. Golubkov**

PHENOMENON OF SITUATIONAL HUMOR

In the article the question are the «mechanisms» of spontaneous laughter, such humorous attitude to this or that life realities which is preconditioned by unexpected concourse of circumstances and presence of the observer ready to laughter perspective and corresponding assessment.

Key words: situation, laughter, humor, system of subject relations, technique of ridiculous.

* *Golubkov Sergey Alexeevich* (golubkovsa@yandex.ru), the Dept. of Russian and Foreign Literature, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.